

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ И ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917 – 1921 гг.)

Г.В. Елизарова

*Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого», Республика Беларусь*

Ментальные характеристики белорусского крестьянства в достаточно четком виде проявились в механизмах функционирования сельской общины. Община, сохранившаяся на Востоке Беларуси до начала XX века, представляла собой способ жизни крестьян, опосредовавший все их действия.

В восточнославянской крестьянской общине формировался особый тип отношений коллективного и индивидуального в его классическом виде.

Коллективистские настроения белорусов традиционно выводят из их отношения к собственности на землю. Основным принцип этого отношения – земля либо Божья, либо государственная. В многовековой крестьянской традиции только личный труд давал право владеть землей. Однако при всем неприятии крестьянством частной собственности на землю и в общине основное место занимал индивидуальный метод «общения» с землей. Еще в XIX веке исследователь общины А.И. Васильчиков подчеркивал, что крестьянство «имеет в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли...» [1, с. 148].

Большевики, взяв власть в 1917 г., были последовательными борцами против частной собственности вообще и против земельной частной собственности, в частности. Объективным союзником в этой войне являлось большинство крестьянства, выступавшее за всеобщее поравнение земли, «черный передел». В первый период после октября 1917 г. передел «нетрудовых» земель (бывших помещичьих, государственных, церковных) принял стихийно-уравнительный характер и проходил в зависимости от воли крестьян, т. к. Советы тогда не имели мощных средств давления на процесс перераспределения земли.

Так, в Гомельской губернии (создана в 1919 г.) из 520 тыс. десятин «нетрудовой» земли, учтенной губземуправлением, до конца 1920 г. свыше 420 тыс. перешло в пользование крестьян-единоличников, 35 тыс. – к разным коллективным хозяйствам, около 40 тыс. – совхозам, 26 тыс. – госфонду. В результате площадь пахотно-сенокосных земель, находившихся в пользовании крестьян-единоличников возросла до 3145 тыс. десятин, т. е. увеличилась на 15 % (в среднем на 1,25 десятины на каждое дореволюционное хозяйство) [7, с. 112]. Однако рост населения (массовая демобилизация, возвращение беженцев) и дробление крестьянских хозяйств не только быстро «съели» прибавку от распределения «нетрудовой» земли, но и еще больше обострили земельный голод в белорусской деревне. Но главное для крестьян заключалось не в размере полученных десятин земли, единицах живого и мертвого инвентаря, перешедшего к ним, а в самом факте «черного передела», реализовавшего их собственный идеал справедливости в земельном вопросе, основанном на трудовом принципе землепользования.

Советская власть не считала стихийный передел земли крестьянами окончательным решением проблемы землепользования, поэтому IX Всероссийский съезд Советов (1921 г.) признал идею всеобщего земельного уравнивания технически невыполнимой и экономически необоснованной.

Главным направлением собственно-большевистской политики в земельном вопросе в 1918-1921 гг. была коллективизация сельского хозяйства, форсирование темпов социалистического строительства в деревне. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятое ВЦИК РСФСР от 15 февраля 1919 г., определяло стратегию земельной политики как «переход от единоличных форм землепользования к товарищеским». Центральной фигурой в деревне должен был стать не крестьянин-единоличник, а сельскохозяйственный рабочий, свободный от собственного хозяйства [6, с. 7-14]. В начале 1920 г. в Гомельской губернии насчитывалось 244 совхоза. Прифронтовое положение губернии, оккупация ее части поляками, бесконечные реквизиции продорганами и воинскими частями даже неприкосновенного запаса семян привели к резкому сокращению количества совхозов: в конце

1920 г. их осталось только 132 [5, с. 13,21]. Экономическое положение совхозов было гораздо хуже, чем у единоличников: в расчете на одну десятину посева они имели в сравнении с крестьянским хозяйством меньше лошадей – в 2,7 раза, скота – в 1,88 раза. Собственными силами совхозы обрабатывали до 70 % пашни, оставшуюся часть вынуждены были сдавать на разных условиях местным крестьянам [8, с. 163-164]. Крестьяне же видели в них своих соперников, потому что совхозы часто создавались на бывших «нетрудовых» землях, раньше распределенных между ними.

Более популярными среди крестьян были сельхозартели (меньшая, чем в коммуне, степень обобществления). Если в апреле 1920 г. в губернии насчитывалась 231 сельхозартель (свыше 11,5 тыс. человек), то в январе 1921 г. – уже 390 (около 20 тыс. членов) [4, с. 96]. Причина такого успеха артелей на Гомельщине объясняется тем, что первоначально артели создавались преимущественно на бывших «нетрудовых» землях. Поэтому, во-первых, беднейшее крестьянство путем более мягкого, чем коммуна, объединения стремилось решить проблему малоземелья и нищеты. Во-вторых, желанием крестьян (в том числе и зажиточных) под видом артели закрепить за своим хозяйством больше «нетрудовой» земли, т. к. норма наделения землей на члена артели была значительно выше, чем единоличника. Многие из этих артелей просто числились на бумаге.

Принятый в сентябре 1920 г. Наркомземом РСФСР новый Устав артели, а также мероприятия советской власти по упорядочению артельного движения привели к значительному сокращению их численности: за 1921 г. количество артелей сократилось на 50 % и к концу 1922 г. их осталось всего 176, объединявших 9 тыс. человек [3, с. 456].

В ходе первого коллективизационного наступления колхозы (сельхозартели) не превратились в значительный фактор сельскохозяйственного производства: в конце 1921 г. они занимали всего 1,3 % пахотной земли [2, 10]. Крестьянство подтвердило свою приверженность к индивидуальному способу хозяйствования и в очередной раз поколебало надежды на его общинно-коллективистско-социалистические инстинкты, питавшие революционеров еще со времен народников.

Таким образом, два главных направления земельной политики советской власти – общее земельное уравнивание и коллективизация – в конце 1921 г. показали свою безосновательность.

Список литературы

1. Платонов О. Экономика русской цивилизации/ Наш современник. – 1994. – № 4.
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 119.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 193.
4. Подсчитано по ГАГО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 21.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 65.
6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 119.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 309.
8. Отчет Гомельского губисполкома VI Губернскому съезду Советов. – Гомель, 1922.